

ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 27-1, 2-1

**По дороге в Эммаус:
благая весть в эпоху постмодерна***Е. Б. Хитрук*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Российская Федерация, 634050, Томск, пр. Ленина, 36Для цитирования: *Хитрук Е. Б.* По дороге в Эммаус: благая весть в эпоху постмодерна // Вопросы теологии. 2021. Т. 3, № 1. С. 86–96.<https://doi.org/10.21638/spbu28.2021.105>

В статье исследуется проблема сопоставления основных посылок философии постмодерна и религиозного мировоззрения, в частности христианского вероучения. Выявляется эвристический потенциал концепции «кенозиса» в работах итальянского философа Джанни Ваттимо применительно к интерпретации истории философии одновременно в контексте христианского вероучения и философии постмодерна. В рамках христианского вероучения кенозис означает «истощание» Бога как Его добровольное нисхождение в мир через воплощение и крестную смерть ради спасения людей. Это специфически христианский тезис, тесно связанный с уникальными положениями христианской теологии, антропологии и сотериологии. Джанни Ваттимо считает возможным использовать понятие «кенозис» в качестве основы для понимания соотношения христианства и постмодерна, поскольку именно в перспективе Божественного «истощания» раскрывается подлинная природа христианской благой вести, не сводимая к онтологическому метанарративу. В статье также предлагается концепция исторической интерпретации Евангелия в работах современного британского библеиста Николаса Томаса Райта в качестве одной из возможных стратегий экспликации точек пересечения между философией постмодерна и христианской теологией. Делается вывод о том, что утверждение об антагонизме и несовместимости постмодерна и христианства является поверхностным и данная тема нуждается в более внимательном и всестороннем исследовании.

Ключевые слова: религия, христианство, теология, постмодернизм, библеистика, кенозис, слабое мышление.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

© Общецерковная аспирантура и докторантура
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2021

Тогда Он сказал им: о, бессмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою?

Лк 24: 25–26

О, бессмысленные и медлительные сердцем, чтобы познать замысел Божий! Разве не надлежало модернистскому пониманию христианства умереть, дабы явить нам свежий взгляд на истину, представляющую собой не набор доктрин и теорий, а личность, обитающую в сердцах множества людей?

Н. Т. Райт¹

Несмотря на то что в современной исследовательской литературе все чаще можно встретить утверждения о том, что постмодерн утрачивает ведущие позиции в культуре и на смену ему приходят новые тенденции постпостмодернизма² или мостмодернизма³, вопрос о соотношении постмодерна и религиозного мировоззрения остается актуальным. Подорванное с наступлением эпохи постмодерна доверие к великим метанаррациям прошлого⁴ продолжает ставить саму возможность религиозного сознания под вопрос. Как можно говорить о Боге в этой многоголосой реальности, где каждый имеет право на свой голос при условии отказа от претензии на высший по отношению к другим и единственно верный статус? Как можно продолжать верить в Бога после всех тех злодеяний исторических религий, бросающих черную тень на вероучение каждой из них, от ужасов инквизиции до событий 11 сентября 2001 года? Эту невозможность всякого положительного повествования о мире, монополизирующего «истину» и опирающегося на авторитет Бога, еще в конце XIX в. почувствовал и емко выразил Ф. Ницше, который, «провозгласив “смерть Бога”, констатировал конец метафизики»⁵. Не является ли теперь всякий религиозный дискурс лишь обреченной на провал попыткой реанимировать худшие черты безвозвратно ушедшей эпохи? Не является ли сегодня необходимым признаком всех религиозных систем ограниченными своим «словарем», опасны-

¹ Райт Н. Т. Иисус. Надежда постмодернистского мира. Черкассы: Коллоквиум, 2006. С. 170.

² См. подробнее: Митрошенков О. А. Состоится ли постпостмодернизм? // Личность. Культура. Общество. 2013. Т. 15, № 2 (78). С. 84–90.

³ См. об этом: Харви Г. Секс, еда и незнакомцы. Религия как повседневная жизнь. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

⁴ См. подробнее: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. С. 10.

⁵ Гагинский А. М. Онто-теология и преодоление метафизики: М. Хайдеггер, Ж.-Л. Марион и христианская традиция // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. I. Богословие. Философия. 2015. Вып. 4 (60). С. 56.

ми в их претензиях на единый истинный взгляд на вещи и неспособными на адекватную репрезентацию реальности?

Один из самых влиятельных философов постмодерна, Ричард Рорти, утверждал, что эпоха постмодерна обозначила «конец религии» в той же степени, что и самой философии в смысле маргинализации этих сфер культуры, утраты ими доверия относительно возможности выстраивания подлинной картины мира. Философию и религию сегодня, с его точки зрения, сменяет литература, которая предоставляет интеллектуалам множество различных техник для описания и переописания себя. «Именно этот сдвиг, — пишет Р.Рорти, — способствовал становлению нынешней интеллектуальной культуры — в которой и религия, и философия оказались на положении маргиналов. Разумеется, до сих пор существует много религиозных интеллектуалов и еще больше — интеллектуалов философских. Но в наши дни молодые книгочеи в поисках искупления обращаются в первую очередь к романам, пьесам и поэзии»⁶. Таким образом, и религия, и философия уступают свое место литературе. И «конец» религии является не столько ожидаемым событием, сколько уже свершившимся фактом.

Однако судьба религиозного сознания в современном мире совсем не так проста. Постмодернистский скепсис в отношении религии не находит подтверждения при анализе социальной реальности. С одной стороны, очевиден уход части общества и культуры «из-под власти религиозных институтов и символов»⁷. Это явление в социальной теории получило название «секуляризация». С другой же стороны, религиозное сознание в своей основе или «по ту сторону» религиозных институций продолжает быть чрезвычайно значимым для человечества, по крайней мере не менее значимым, чем в прошлые столетия⁸. Как замечает известный американский социолог Питер Бергер, «мир никогда не прекращал быть религиозным»⁹. В то же время некоторые мыслители на рубеже XX–XXI вв. инициировали дискуссию о так называемом возрождении религии¹⁰; эта дискуссия послужила основанием для обозначения новых тенденций как процесса *десекуляризации*. Вячеслав Карпов в своей известной статье «Концептуальные основы теории десекуляризации» определяет указанный процесс следующим образом: «Десекуляризация — это процесс контрсекуляриза-

⁶ Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Чистякова Е. Ю. Проблема смысла жизни в мировой философии: учеб.-метод. пособие. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2019. С. 12–13.

⁷ Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 125.

⁸ Berger P. L. The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / ed. by P. L. Berger. Grand Rapids: William B. Eerdmans Publishing Company, 1999. P. 2.

⁹ Бергер П. Недоработанная концепция // Религиоведческие исследования. 2011. № 5–6. С. 104.

¹⁰ См. об этом: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 88; Ваттино Дж. После христианства. М.: Три квадрата, 2007. С. 97.

ции, в ходе которого религия восстанавливает свое влияние на общество в целом, реагируя на предшествующие и/или сопутствующие секуляризационные процессы»¹¹. Исследователь выделяет пять тенденций, сочетание которых образует данный процесс: формальное и неформальное сближение между секуляризованными институтами и религиозными нормами; возрождение религиозных верований и практик; возвращение религии в публичное пространство (деприватизация); возвращение религиозного содержания в различные культурные подсистемы, включая искусство, философию и литературу; связанные с религией изменения в субстрате общества¹².

Названные контрсекуляризационные тенденции представляют в современном обществе определенную социальную фактичность, которая требует трансформации финалистских представлений философов-постмодернистов о так называемом пострелигиозном обществе.

Ричард Рорти под влиянием идей итальянского философа Джанни Ваттимо пришел к переосмыслению своей первоначальной позиции, приняв предложенное последним различие «сильных» религиозных метанарративов, подвергшихся эрозии после «смерти Бога» в философии, и «слабого» религиозного мышления, способного сохранить и актуализировать религиозную веру и любовь в любую эпоху. Это различие способствовало новой концептуализации религии в философии Р.Рорти. В работе «Антиклерикализм и атеизм» Рорти солидаризируется с Ваттимо в положительной оценке роли секуляризации в контексте истории философии. Эту роль философы видят в неизбежном и благотворном снятии с религии вредоносной метафизической маски. Тяжелая работа по эрозии метафизического мышления, проделанная секулярными мыслителями, открыла актуальность движения от религиозной «символической», «эмоциональной», «метафорической» или «моральной» истины к религиозной любви, описанной в гл. 13 Первого послания апостола Павла к Коринфянам. Эрозия метафизики, таким образом, приводит не к смерти религии, а к ее преобразованию, ее освобождению от чужеродных амбиций «сильных» структур. Это делает людей с различными мировоззренческими позициями, атеистов и теистов, может быть, впервые в истории способными уважать точку зрения оппонента и принимать друг друга с любовью без назидания и высокомерия. «Люди, вроде Ваттимо, — пишет Рорти, — перестали считать отсутствие у меня религиозных чувств признаком вульгарности, а люди вроде меня перестали считать наличие таких чувств признаком малодушия. Мы оба можем процитировать гл. 13 Первого послания к Коринфянам для обоснования нашего отказа участвовать в таких глупых объяснениях»¹³.

¹¹ Карпов В. Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 136.

¹² Там же.

¹³ Рорти Р. Антиклерикализм и атеизм // Логос. 2008. № 4 (67). С. 119.

Однако сопоставление постмодерна и религии рискует быть поверхностным, если термин «религия» используется обобщенно. Не существует религии «вообще», как однородного феномена. Применительно к различным религиозным системам и практикам, очевидно, различным образом, должен решаться вопрос об их возможном соотношении с основными чертами постмодерна. Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что у одной из религиозных форм мировосприятия «особые счеты» с постмодерном.

Постмодерн пришел на смену модерну в цивилизации, имеющей христианские корни. Начиная с уже упомянутого тезиса Фридриха Ницше о «смерти Бога», «подозрения» и «разоблачения» в философии обрушились в значительной мере именно на христианство, понимаемое западными мыслителями прежде всего как «сильный» онтологический метанарратив, претендующий на единственно верное описание мира и порождающий социальные механизмы принуждения и подавления. По емкому выражению Ницше, именно «кровь» теологов «испортила философию»¹⁴. Христианство, с его точки зрения, породило чудовищное и извращенное представление о Боге: «Бог, выродившийся в противоречие с жизнью, вместо того чтобы быть ее просветлением и вечным ее утверждением! Бог, объявляющий войну жизни, природе, воле к жизни! Бог как формула всякой клеветы на “посюстороннее”, для всякой лжи о “потустороннем”!»¹⁵

Бог теологической метафизики, таким образом, предстает как «сильный» властный и карающий первопринцип, не раскрывающий жизнь, а подавляющий ее. По мнению британского философа религии Энтони Флю, это Бог, созданный по образцу восточного деспота, своего рода «всемогущий и вечный Саддам Хуссейн»¹⁶. Сопrotивление такому Деспоту, деструкция и упразднение метафизики, базирующейся на таком первопринципе, рассматривались в философии постмодерна как важнейший этап в истории человеческой мысли, освобождающий людей от одного из самых мощных репрессивных механизмов, ограничивающих свободу и творческую активность человека.

Таким образом, самый острый аспект соотношения постмодерна и религии необходимо связан с соотношением постмодерна и христианства. Однако можно с большой долей уверенности утверждать, что это соотношение все же не является антагонистическим.

Даже в упомянутой выше дискуссии между Ричардом Рорти и Джанни Ваттимо основная точка пересечения концепций этих мыслителей касается не специфики религиозного мировоззрения как такового, а специфики именно христианского вероучения. Именно понятие «кенозиса», будучи одним из центральных понятий христианской сотериологии, становится главным условием обнаружения общего языка между философией пост-

¹⁴ Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 638.

¹⁵ Там же. С. 644.

¹⁶ Flew A. My “conversion” // Think. 2005. No. 4. P. 77.

модерна и христианством в работах Дж. Ваттимо и Р. Рорти. В рамках христианского вероучения кенозис означает «истощание» Бога как Его добровольное нисхождение в мир через воплощение и крестную смерть ради спасения людей. Это специфически христианский тезис, тесно связанный с уникальными положениями христианской теологии, антропологии и сотериологии. Дж. Ваттимо считает возможным использовать понятие кенозиса в качестве основы для понимания соотношения христианства и постмодерна, поскольку именно в перспективе Божественного «истощания» раскрывается подлинная природа христианской благой вести, которую нельзя отождествлять с онтологическим метанарративом «сильной» метафизики. Напротив, именно в перспективе нисхождения Бога открывается возможность «слабого мышления». «Слабое мышление», по Ваттимо, это тот опыт мысли, который не претендует на вскрытие единственно возможной структуры реальности, на ее окончательное отражение в той или иной теории.

Благодаря последовательной работе по разоблачению метафизического мышления, философы постмодерна, с точки зрения Ваттимо, уничтожили почву для построения не только теистической, но и атеистической метанаррации. «Говоря очень кратко, — пишет Ваттимо, — философия лишилась причин для обоснования атеизма и, таким образом, может признать законность религиозного опыта, но только в той мере, в какой она осознает завершение метафизики и эрозию метанаррации»¹⁷. Другими словами, именно теперь, после крушения метафизического мышления, после «конца» религии, возможно раскрытие подлинного потенциала христианской благой вести, в рамках которой Божественное нисхождение к людям не заканчивается крестной смертью и воскресением Христа, но продолжается через крушение кумиров классической философии. Только такой «кенозис» как умаление сильного Бога метафизики, Его «ослабление» в любви, а не в теории открывает возможность для диалога между философией и религией, одновременно сбросившими с себя маску всемогущества. Эта позиция Ваттимо вдохновляет Рорти на использование понятий «кенозис» и «слабое мышление» в своей концепции религии. Рорти принимает идею Ваттимо о том, что «кенозис» может рассматриваться как важнейшее понятие истории философии, как «снисхождение Бога ко всем нам»¹⁸ через постепенное разоблачение метанаррации, как Его нежелание быть метафизической истиной или теорией, но Его желание быть нашим другом.

Благодаря специфике христианского вероучения перспектива соотношения постмодерна и религии приобретает положительное измерение. Более того, работа не только философов постмодерна, но и их знаменитых предшественников эпохи модерна может быть воспринята в христианском ключе. Так, по словам Рорти, мы обретаем возможность «видеть

¹⁷ Ваттимо Дж. После христианства. С. 103.

¹⁸ Рорти Р. Антиклерикализм и атеизм. С. 118.

во всех великих “разоблачителях” Запада — от Коперника и Ньютона до Дарвина, Ницше и Фрейда — исполнителей работы любви»¹⁹.

Предложенная точка зрения вместо опустошенности в «эру скептицизма»²⁰ порождает вдохновенный поиск новых средств и способов выражения христианского благовестия — от противопоставления христианства религиозному как таковому в концепциях «безрелигиозного христианства» Карла Барта и Дитриха Бонхёффера до «теологического поворота в философии»²¹.

Интереснейшим примером этого поиска на рубеже XX–XXI вв. стали работы известного британского библеиста, специалиста по Новому Завету, Николаса Томаса Райта. В своих сочинениях Райт использует оригинальный подход к сопоставлению христианства и постмодернизма, обращаясь к репрезентации исторического контекста жизни и учения Иисуса Христа. С его точки зрения, универсальные по своему значению проповеди Иисуса тем не менее должны быть поняты в первую очередь как обращенные к Его современникам, иудеям I в. н. э. Углубление в исторический контекст Евангелий, его по возможности точное воспроизведение дают современным христианам то самое драгоценное понимание благовести «по ту сторону» тяжеловесных метафизических систем высокого Средневековья, которые, по большому счету, и привели к отождествлению христианства с онтологическим метанарративом. «Пребывание Иисуса на земле, — пишет Райт в своей установочной работе «Иисус. Надежда постмодернистского мира», — дало толчок движению, которое бросает такой же вызов современному постмодернистскому миру, как когда-то оно бросило вызов иудейскому обществу эпохи Второго Храма и ранней Римской империи»²².

Эпоху постмодерна, таким образом, сближает с эпохой I в. н. э. снижение влияния «сильных» институций, использующих христианское вероучение, т. е. институций, которые в I в. отсутствовали вовсе, а сегодня ослабляют свое давление вследствие секуляризации. Перспектива постмодерна предполагает сопротивление репрессивности любого метаповествования, высвобождая пространство не только для опыта подозрения, недоверия и иронии, но и для опыта живого общения между людьми, а также для опыта встречи живого человека с живым Богом.

Однако выбраться из тотально скептического настроения эпохи постмодерна — нелегкая задача. Основные черты постмодерна — «разрушение реальности, расщепление собственного “я”, смерть метаповествования»²³ — способствовали формированию плюрализма замкнутых в себе, в своей истории, в своей позиции, в своем мире человеческих монад. Эта ситуация только усугубилась с наступлением эры информационных тех-

¹⁹ Там же.

²⁰ Бергер П. Священная завеса. С. 170.

²¹ См. об этом: Узланер Д. Введение в постсекулярную философию // Логос. 2011. № 3 (82). С. 3.

²² Райт Н. Т. Иисус. С. 148–149.

²³ Там же. С. 152.

нологий. «Компьютерная революция, — пишет Райт, — способствовала возникновению и процветанию мира, где создавать новую, кажущуюся реальность, жить в собственном мире и рассказывать свою историю, даже если она не связывается с повествованиями других, становится все легче и легче. В этом, по сути дела, и заключается смысл существования интернета. Мы живем в условиях гигантского культурного, экономического, нравственного и даже религиозного рынка. Остается лишь взять всего понемногу и смешать в желаемых пропорциях»²⁴.

Однако в этом лоскутном одеяле многообразных и замкнутых в себе миров присутствует чрезвычайно важная возможность. Когда нет единой религиозно-метафизической репрессии, становится проблематичной нерелексивная самоидентификация. Иными словами, плюрализация создает «компенсирующее движение» в сторону более осознанного выбора²⁵, открывая пространство для поиска смысла и подлинной жажды «живой», не теоретической, «не отформатированной» истины.

«Недоверие в отношении метарассказов»²⁶ оказалось лишь констатацией того, что реальность несводима к представлениям о ней, какими бы рациональными, возвышенными, систематичными и убедительными они ни были. Это касается и классической онтотеологии, и трансцендентальной эпистемологии, и рациональной антропологии «разумного существа». «Мы с удивлением обнаруживаем, — пишет Райт, — что независимая личность, которая столь высоко ценилась в XVIII–XX вв. в западном мире вообще и в некоторых направлениях христианства в частности, разрушилась и превратилась в беспорядочное смешение противоборствующих сил и внутренних импульсов»²⁷.

Постмодернистская критика эгоистической самонадеянности модерна, а также западного христианства, глубоко проникшегося идеями модерна в той степени, в которой восприняло тягу к систематическому объяснению всего сущего, направлена «точно в цель»²⁸. Христиане не имеют права делать вид, что ничего не происходит, и продолжать цепляться за устаревшую эпоху. Наблюдаемый нами кризис не является временным. «Смерть» модернистского общества, считает Райт, обозначила «великий культурный перелом»²⁹, и эта ситуация требует вдумчивого и молитвенного осознания. «Путь назад, — пишет Райт, — к легким ответам модернизма закрыт для всех, будь то католики, протестанты, фундаменталисты или либералы. Нам остается лишь двигаться вперед — в мир, где Бог творит новую историю»³⁰.

²⁴ Там же.

²⁵ Бергер П. Священная завеса. С. 168.

²⁶ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. С. 10.

²⁷ Райт Н. Т. Исус. С. 167.

²⁸ Там же. С. 170.

²⁹ Там же. С. 169.

³⁰ Там же. С. 170.

Осознание и принятие христианами того великого культурного перелома, который обозначила постмодернистская критика, смогут обнаружить позитивное измерение происходящих перемен. Наиболее ярко эта новая перспектива передается в сравнении, которое Райт считает максимально точным и обнадеживающим, — это путь в Эммаус:

И когда они разговаривали и рассуждали между собою, и Сам Иисус, приблизившись, пошел с ними. Но глаза их были удержаны, так что они не узнали Его. Он же сказал им: о чем это вы, идя, рассуждаете между собою, и отчего вы печальны? <...> Тогда Он сказал им: о, бессмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою? (Лк 24:15–17, 25–26).

Для христиан, живущих в эпоху постмодерна, осознающих всю остроту и в конечном счете «правду» его фундаментальных посылок, падение модернистского проекта христианства кажется таким же печальным событием, каким для учеников Христа представлялось распятие Мессии, на Которого они возлагали надежды на избавление Израиля от языческого правления. Сам Христос является ученикам на пути в Эммаус, чтобы разъяснить смысл распятия, которое было необходимым этапом в деле спасения людей, обращая их отчаяние и горе в радость. Так и сегодня христианам нечего противопоставить отчаянию эпохи недоверия, кроме воскресшего Спасителя, Который, называя себя Истиной (Ин 14:16), остается несводимым к теориям и метаповествованиям. «Бог-Творец всего сущего, — заключает Райт, — открылся нам в жертвенной любви, которой не в силах коснуться тление герменевтики подозрения. Он явился нам в Личности, обретшей себя в самоотвержении, в Истории, повествующей лишь об исцелении и возрождении, и, наконец, в Реальности, понимание которой открывает новые горизонты познания — возможность любить и быть любимыми»³¹.

Подведем итоги. Эпоха постмодерна создала для христианства возможность обновления и творческого поиска нового языка для выражения благой вести о Божией любви. Христианское богословие «после метафизики» — христианство «после христианства» — это «теология, как солнечное утро после ночной грозы»³². Оно должно сочетать веру в Спасителя с постоянной обновляющей самокритикой, чтобы распятый Бог, пожелавший стать другом, а не господином для своих последователей (Ин 15:14), не предстал в форме определяющей «первосущности», проявляющей свою власть посредством метафизического, морального и социального диктата, по образу «восточного деспота»³³. Как отмечает С. А. Коначева, теология сегодня «находит свой язык, проходя через опыт ничто, опыт молитвы молчания, открывающий просветляющий простор божественной тайны,

³¹ Там же. С. 171.

³² Гагинский А. М. Онто-теология и преодоление метафизики. С. 56.

³³ Flew A. My "conversion". P. 77.

невыразимость Бога, превосходящую все слова и понятия. Это движение не от человека к Богу, а от Бога к человеку»³⁴. Разрушая «вавилонскую башню»³⁵ метафизики, постмодерн становится поводом для обновленной надежды на радостную встречу со Спасителем «по дороге в Эммаус». И радости этой никто не отнимет у нас (Ин 16:12).

Статья поступила в редакцию 1 сентября 2020 г.
Статья рекомендована к печати 19 ноября 2020 г.

Информация об авторе:

Хитрук Екатерина Борисовна — д-р филос. наук, проф.; lubomudreg@gmail.com

On the road to Emmaus: Evangelism in postmodern age

E. B. Khitruk

National Research Tomsk State University,
36, pr. Lenina, Tomsk, 634050, Russian Federation

For citation: Khitruk E. B. On the road to Emmaus: Evangelism in postmodern age. *Issues of Theology*, 2021, vol. 3, no. 1, pp. 86–96. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2021.105> (In Russian)

The article examines the problem of comparing the basic premises of the philosophy of postmodernism and religious worldview, in particular, the Christian doctrine. The heuristic potential of the concept of “kenosis” is revealed in the works of the Italian philosopher Gianni Vattimo as applied to the interpretation of the history of philosophy simultaneously in the context of Christian doctrine and philosophy of postmodernism. In the context of the Christian doctrine, kenosis means “exhaustion” of God as His voluntary descent into the world through incarnation and death on the cross for the salvation of people. This is a specifically Christian thesis closely related to the unique tenets of Christian theology, anthropology, and soteriology. Vattimo considers it possible to use the concept of kenosis as a basis for understanding the relationship between Christianity and postmodernity, since it is in the perspective of Divine “exhaustion” that the true nature of the evangelism is revealed, which cannot be reduced to an ontotheological metanarrative. The article also proposes the concept of a historical interpretation of the Gospel in the works of the modern British biblical scholar Nicholas Thomas Wright as one of the possible strategies for explicating the “intersection points” between postmodern philosophy and Christian theology. It is concluded that the assertion about the antagonism and incompatibility of postmodernism and Christianity is superficial and this issue requires a more careful and comprehensive study.

Keywords: religion, Christianity, theology, postmodernism, biblical studies, kenosis, weak thought.

³⁴ *Коначева С. А.* «Бог, отвечающий молчанию»: интерпретация философии М. Хайдеггера в христианской философии второй половины XX в. // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета*. Сер. Философия. 2008. № 7. С. 113.

³⁵ *Райт Н. Т.* Иисус. С. 172.

References

- Berger P. L. (1999) “The Desecularization of the World: A Global Overview”, in *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics*. Ed. by P. L. Berger. Grand Rapids, William B. Eerdmans Publishing Company, pp. 1–18.
- Berger P. (2019) *The Sacred Canopy. Elements of a Sociological Theory of Religion*. Rus. ed. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
- Berger P. (2011) “Unfinished concept”. Rus. ed., in *Religiovedcheskie issledovaniia*, no. 5–6, pp. 103–109. (In Russian)
- Flew A. (2005) “My ‘conversion’”, in *Think*, no. 4, pp. 75–84.
- Gaginsky A. M. (2015) “Onto-theology and the Overcoming of Metaphysics: M. Heidegger, J.-L. Marion and Christian Tradition”, in *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serii I. Bogoslovie. Filosofii*, iss. 4 (60), pp. 55–71. (In Russian)
- Harvey G. (2020) *Food, Sex and Strangers. Understanding Religion as Everyday Life*. Rus. ed. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
- Huntington S. (2003) *The Clash of Civilizations*. Rus. ed. Moscow, AST Publ. (In Russian)
- Karpov V. (2012) “The conceptual foundations of the desecularisation theory”, in *Gosudarstvo, religii, tserkov’ v Rossii i za rubezhom*, no. 2, pp. 114–164. (In Russian)
- Konacheva S. A. (2008) “‘God answering to the silence’: an interpretation of M. Heidegger’s philosophy by the Christian philosophy of the second half of the 20th century”, in *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Serii Filosofii*, no. 7, pp. 99–114. (In Russian)
- Lyotard J.-F. (1998) *The Postmodern Condition*. Rus. ed. Moscow, Institut eksperimental’noi sotsiologii Publ.; St. Petersburg, Aleteii Publ. (In Russian)
- Mitroshenkov O. A. (2013) “Will postmodernism take place?”, in *Lichnost’. Kul’tura. Obshchestvo*, vol. 15, no. 2 (78), pp. 84–90. (In Russian)
- Nietzsche F. (1996) *Writings*. Rus. ed. In 2 vols, vol. 2. Moscow, Mysl’ Publ. (In Russian)
- Rorti R. (2008) “Anti-clericalism and atheism”, in *Logos*, no. 4 (67), pp. 111–119. (In Russian)
- Rorti R. (2019) “From religion through philosophy to literature: the path of Western intellectuals”. Rus. ed., in *Chistyakova E. Yu. Problema smysla zhizni v mirovoi filosofii: ucheb.-metod. posobie: a teaching tool*. Belgorod, Belgorodskii gosudarstvennyi natsional’nyi issledovatel’skii universitet Publ., pp. 8–19. (In Russian)
- Uzlaner D. (2011) “Introduction to Postsecular Philosophy”, in *Logos*, no. 3 (82), pp. 3–32. (In Russian)
- Vattimo G. (2007) *After Christianity*. Rus. ed. Moscow, Tri kvadrata Publ. (In Russian)
- Wright N. T. (2006) *Christian Hope In A Postmodern World*. Rus. ed. Cherkassy, Kollokvium Publ. (In Russian)

Received: September 1, 2020

Accepted: November 19, 2020

Author’s information:

Ekaterina B. Khitruk — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; lubomudreg@gmail.com